

СТРАНИЦА
ТРЕТЬЯ

125 граммов суррогатного хлеба. Лекция о режиме питания

21 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА, ВОСКРЕСЕНЬЕ

ДОБИРАЛСЯ НА ДРУГОЙ КОНЕЦ ГОРОДА — на проспект Огородникова... Это не подальше от портовых причалов.

Воскресный полдень. Ледяной ветер с залива гнал злою снежную пыль...

На инструктивную лекцию в парткабинете собрали актив — уполномоченные от жилых домов, партотделов предприятий, читки газет. Явились человек пятьдесят, по нынешним временам довольно много, но начинать лекцию не торопились, ждали опоздавших.

Название лекции, с которой должен был выступить главный хирург блокадного Ленинграда, знаменитый профессор Иван Петрович Виноградов — «Режим питания и гигиены человека в осажденном городе», — вызывало недоуменные вопросы [1]. Ведь население города, да и бойцы на переднем крае обороны испытывают ужасающие муки голода. На улицах мертвецы, небывалые снежные сугробы, вмёрзшие в лед трамваи с разбитыми стеклами. Кусочек хлеба — величайшая драгоценность. Дороже золота, дороже бриллиантов — ему просто нет цены.

Что же это? Дикая бюрократическая затея? Не кощунственно ли сегодня говорить о каком-то режиме питания, когда по карточкам почти ничего, кроме ста двадцати пяти граммов суррогатного хлеба, не выдают? И почему лекцию прочтет не диетолог какой-нибудь, а авторитетный хирург?

Но оказалось, спешить с выводами совсем не стоило. Никакого кощунства — самый деловой и насыщенный сегодня разговор.

— Многие из того, что я намерен сказать, вероятно, покажется вам элементарным и общеизвестным, — начинает профессор. — Но старая народная мудрость гласит, что повторение — мать учения. В иных обстоятельствах и общеизвестные вещи полезны напомнить...

Как и все ленинградцы, профессор заметно истощал. На руках у него две пары перчаток: нижние — шерстяные, верх — кожаные. Перед началом лекции развязал башлык на морщинистой шее, снял меховую шапку, а перчатки не снял. Хотел снять, но раздумал. Руки хирургу нужно беречь.

Все, о чем говорит он, действительно относится к прописным истинам. Несмотря на это, слушают внимательно.

Даже паек по рабочей карточке — двести пятьдесят граммов хлеба — не обеспечивает, к сожалению, половины потребностей человеческого организма. Тем не менее, утверждает профессор, режим питания совершенно необходим.

Ни в коем случае не рекомендуется съедать все сразу, в один присест. Разумнее распределить пищу на три раза. Это даст нагрузку пищеводу и желудку.

Хлеб весьма полезно обжаривать. Делается это очень просто: хлеб нарезается тонкими ломтиками, подцепляется на вилку и

Один из самых известных в мире блокадных снимков обнаружили в архивах артиста Сергея Филиппова уже после его смерти.

— Скажите, товарищ профессор, сколько стаканов воды можно выпивать за день? — спрашивает тоненькая женщина в роговых очках.

— Об этом писалось в «Ленинградской правде», — говорит профессор. — Злоупотреблять водой не рекомендуется, иначе неизбежна голодная водянка.

— Сколько же стаканов конкретно?

— Стакана три, больше не нужно.

— Вот видите, все-таки мы были правы! — с удовлетворением говорит женщина и объясняет профессору: — Понимаем, у нас в домохозяйстве свой титан, мы имеем возможность выдавать киятку сколько кому захочется, но решили ограничить. В одни руки выдаем по литру, не больше.

— Правильно делаете! — одобрил профессор. — Советую только ограничительные меры обязательно подкреплять разъяснительной работой...

За окнами парткабинета метет сердитая вьюга. Слышно было, как завывает ветер на безлюдном проспекте Огородникова.

Беседа с профессором продолжалась еще долго. На мороз никто не спешил. И потом, разговор не зряшний — как-то поддержал дух людей.

ПЕРСОНАЛИИ

1. Виноградов Иван Петрович (1880 — 1955).

Заслуженный врач РСФСР. Главный хирург блокадного Ленинграда. Инициатор возрождения Ленинградского научного хирургического общества Пирогова в апреле 1942 года.

СТРАНИЦА
ЧЕТВЕРТАЯ21 ФЕВРАЛЯ 1942 ГОДА,
СУББОТА

Троллейбусы пошли по Ленинграду уже после снятия блокады.

Стало быть, выходит, что в день больше четырех тысяч умирает. Это по три человека в минуту...

КОМАНДИРОВКА В АРМИЮ ФЕДЮНИНСКОГО.

Мотаюсь по частям. Пытаюсь понять армию изнутри, услышал много удивительного, о чем и не расскажешь, тем более в коротком очерке.

Беда только в том, что добраться куда-нибудь — проблема. Приходится часами ловить такси. Мне повезло — вот уже третий день как передвигаюсь вместе с делегацией дальневосточников, которой выделен отдельный автобус.

Делегация уже была в Ленинграде почти неделю, доставив блокадникам подарки дальневосточников. Продовольствие делегация привезла почти двести тонн. Все это добро собрано трудящимися Приморского края и с любовью упаковано в индивидуальные посылочки.

Ездил на заводы, побывал в Смольном. Отправился на передний край, лазали по окопам и землянкам, чтобы увидеть все своими глазами.

Ребята бывалые и отважные. Пожалуй, самый представительный — Иван Серафимович Божок, старейший шахтер из Сучана. Усы у Ивана Серафимовича седые, широкие, с коричневой табачной окалиной по краешку, в пальцы и в морщинистую шею навечно виталась несмываемая угольная пыль. Росту он почти двухметрового и, несмотря на свой почтенный возраст, могуч, точно столетний дуб.

Бедствия и мужество ленинградцев произвели на Ивана Серафимовича ошеломляющее впечатление. Говорит, что видит теперь во сне длинные траншеи для мертвецов, вырытые экскаватором на Охте, и трубы на Невском, в которых стоят безжизненные трамваи.

— Но ты знаешь, что я запомню на всю жизнь? — спросил меня Иван Серафимович. — Умирать начну и то вспомню...

И рассказал, как приехали они на «Электросилу». Ходили по застывшим цехам завода, находившегося всего в четырех километрах от переднего края. В одном из цехов Иван Серафимович познакомился с

пожилым бригадиром. «Послушайте, когда вернетесь домой, не слишком-то рассказывайте про наши беды, — сказал тот бригадир, — зачем зря народ расстраивать?»

— Подумать только, какие люди на земле бывают! Сам еле жив, на ногах едва стоит, а еще беспокоится, чтобы другие за него не расстроивались!

Разумеется, какая-то незначительная часть продовольствия, привезенного делегацией дальневосточников, была отложена для собственных нужд. И, понятное дело, откладывали не по блокадным нормам — ели досыта.

Но увидев, что творится в Ленинграде, Иван Серафимович потребовал передать городу и эту частицу.

— Ладно, товарищи, как-нибудь потерпим, вернемся домой, тогда и откормимся. А здесь, сами видите, грешно...

Правда, в скором возвращении Иван Божок начал сомневаться.

Кто-то додумался поставить вагон дальневосточников на станцию Жихарево. Бомбить эту станцию с немилосердной силой, и каждую ночь, вернувшись из частей, делегаты по несколько раз высказывают на мороз, отлеживаются в снегу.

— Еще пешком заставят топтать до Владивостока, — хмурится Иван Божок. — А что? Сожгут, сукины дети, вагон, где мы тогда другой раздобудем?..

Побывал я на встрече делегации с командующим 54-й армии. В землянке Федюнинского, конечно, все разместиться не могли. Пришлось выйти наружу, присесть возле тамбура, где стоял автоматчик.

— Эх, и выплел мне командант за демаскировку КП! — пошутил Федюнинский, весело оглядывая все это собрание людей в штатском.

Дальневосточники вручили командующему подарок трудящихся Приморского края — мозеревные золотые часы. Федюнинский смущенно поблагодарил, стал спрашивать, хорошо ли принимали делегацию в частях. Потом, как водится, посы-

пались вопросы к командарму. И в первую очередь, конечно, главный, интересующий ныне каждого: скоро ли будет прервана блокада Ленинграда?

Федюнинский хотел было отшутиться, он, дескать, не пророк, предсказаниями ему заниматься не положено по должности. И тут с внезапной и грубоватой прямо-той его перебил Иван Серафимович:

— А вы чаще на часы поглядывайте, товарищ командующий. В январе, нам сказали, померло от голода сто тридцать тысяч ленинградцев. Это за полмесяца. Стало быть, выходит, что в день больше четырех тысяч умирает. Это по три человека в минуту... Может, тогда лучше будете воевать...

Признаюсь, что мне, как и присутствовавшим на встрече офицерам Политуправления, эти слова старого шахтера показались слишком уж дерзкими. Привыкли мы к воинской субординации.

Руководитель делегации, секретарь райкома, попытался сразу же сгладить возникшую неловкость, но командарм даже не дал ему договорить.

— Вы правильно нас критикуете, — сказал Федюнинский Ивану Серафимовичу. — Мы и сами знаем, что воюем плохо. Не так, как необходимо.

С КП делегация отправилась в танковую бригаду полковника Родина. Вернее, в то немногое, что осталось от его бригады после тяжелых боев у Погостя.

По дороге, в прыгающем на бревенчатом настиле автобуса, вновь зашел разговор о встрече с Федюнинским.

— Нехорошо как-то вышло, — покачал головой руководитель делегации. — Все-таки заслуженный боевой генерал, еще на Халхин-Голе здорово отличился...

— А если люди мрут как мухи, это что, по-твоему, хорошо? — взорвался всегда сдержанный Иван Серафимович. — Пусть чувствуют свою ответственность! Пусть с умом воюют, с полной отдачей! Ничего время такое — со всякого спрос вдвое.

И замолчал. И всю дорогу, сердито насупившись, ни на кого не глядел.

Если перед бомбежкой МПВО успевали объявить воздушную тревогу, то обстрел города мог начаться неожиданно.

Источников воды было мало. Часто — один на несколько кварталов. За водой всегда стояла очередь. Фото Ансельма Бозурова.

Зимой 1942 года буханка хлеба весила килограмм, делалась на восемь дней и стоила 1000 рублей при средней месячной зарплате в 200 рублей.